

DOI 10.18522/2500-3224-2021-2-96-111

УДК 94(47)“18/19”

КОНТРОЛИРУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ ВОЙСКОВОГО ХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРАВЛЕНИЯ ОРЕНБУРГСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.

Годовова Елена Викторовна

Оренбургский государственный педагогический университет,
Оренбург, Россия
godovova@mail.ru

Мещеряков Александр Валерьевич

Музей Черномырдина,
Черный Отрог, Россия
mescher90@mail.ru

Аннотация. В статье на основе архивных документов фондов Российского государственного военно-исторического архива, Государственного архива Оренбургской области и Центрального государственного архива Республики Казахстан дается анализ реализации одной из основных функций деятельности Войскового хозяйственного правления Оренбургского казачьего войска на рубеже XIX–XX вв. — контроля за чинами войскового и общественного управления. Авторы приходят к выводу, что контролирующая функция Войскового хозяйственного правления делилась на два больших направления: внутренний и внешний контроль. Внутренний контроль осуществлялся в отношении собственных чиновников Войскового хозяйственного правления, которые за небольшие проступки получали административное наказание в виде выговоров, а за серьезные подвергались судебным разбирательствам, причем в суды попадали в основном чиновники-исполнители. При внешнем контроле под юрисдикцию Войскового хозяйственного правления попадали чины войскового управления — атаманы отделов, а также должностные лица общественного управления станиц и хуторов — атаманы станиц, их помощники, станичные судья и писари. Статистический анализ позволил сделать вывод, что самым распространенным преступлением общественных служащих являлось присвоение общественного имущества, взятки, подделка документов и др. При этом атаманы отделов оказывались под судом крайне редко, а должностные лица общественного управления подвергались самому жесткому контролю.

Ключевые слова: Оренбургское казачье войско, Войсковое хозяйственное правление, чиновники, наказной атаман, атаман отдела, внутренний контроль, внешний контроль.

CONTROLLING FUNCTION OF THE MILITARY ECONOMIC ADMINISTRATION OF THE ORENBURG COSSACK HOST AT THE TURN OF THE 19TH–20TH CENTURIES

Godovova Elena V.

Orenburg State Pedagogical University,
Orenburg, Russia
godovova@mail.ru

Meshcheryakov Aleksandr V.

Chernomyrdin Museum,
Black Otrog, Russia
mescher90@mail.ru

Abstract. Based on archival documents from the funds of the Russian State Military Historical Archives, the State Archives of the Orenburg Region and Central State Archives of the Republic of Kazakhstan, the article analyzes the implementation of one of the main functions of the Military Economic Administration of the Orenburg Cossack Army – control over the ranks of the military and public administration at the turn of the 19th–20th centuries. The authors conclude that the controlling function of the Military Economic Administration was divided into two broad directions: internal and external control. Internal control was exercised over its own officials of the Military Economic Board, who for minor offenses received administrative punishment in the form of reprimands, and for serious offenses were subjected to legal proceedings, and mainly executing officials were brought to the courts. In external control, the military administration officials fell under the jurisdiction of the Military Economic Administration – chieftains of departments and public administrations of villages and farms – village chieftains, their assistants, village judges and clerks. Statistical analysis made it possible to conclude that the most common crime of public servants was the appropriation of public property, bribes, forgery of documents, etc. At the same time, department chieftains were rarely tried, and public administration officials were subjected to the most stringent control.

Keywords: Orenburg Cossack army, Military economic administration, officials, Order chieftain, Ataman of the department, internal control, external control.

Цитирование: Годовова Е. В., Мещеряков А. В. Контролирующая функция Войскового хозяйственного правления Оренбургского казачьего войска на рубеже XIX–XX вв. // Новое прошлое / The New Past. 2021. № 2. С. 96–111. DOI 10.18522/2500-3224-2021-2-96-111 / Godovova E. V., Meshcheryakov A. V. Controlling Function of the Military Economic Administration of the Orenburg Cossack Host at the turn of the 19th–20th Centuries, in Novoe Proshloe / The New Past. 2021. No. 2. Pp. 96–111. DOI 10.18522/2500-3224-2021-2-96-111.

© Годовова Е. В., Мещеряков А. В., 2021

Одной из ключевых сторон деятельности Войскового хозяйственного правления (далее — ВХП) Оренбургского казачьего войска (далее — ОКВ) была контролирующая функция. По назначению и направленности контроль делился на два вида — внутренний и внешний. К внутреннему относился контроль ВХП за своими чиновниками. Внешний контроль осуществлялся по двум направлениям: за чинами войскового управления (атаманов отделов) и в отношении должностных лиц общественного управления станиц и хуторов (атаманов станиц, их помощников, станичных судей, станичных писарей).

В историографическом плане изучение Оренбургского казачьего войска в различных его аспектах достаточно обширно, но исследований, затрагивающих систему управления ОКВ, немного. К ним можно отнести написанные в дореволюционное время работы П.И. Авдеева [Историческая записка..., 1904] и Ф.М. Старикова [Стариков, 1891], а в советское — М.Д. Машина [Машин, 1976]. В современной историографии система управления ОКВ получила более серьезное изучение; затрагивались как вопросы самоуправления [Футорянский, 2000; Шадрин, 1999а; Шадрин, 1999b], так и в целом структура управления ОКВ [Абрамовский, Кобзов, 1999; Ганин, 2006]. Из большого количества работ следует выделить две, которые наиболее подробно затрагивают Войсковое хозяйственное правление в системе управления ОКВ. Это исследования В.С. Кобзова [Кобзов, 1996] и А.В. Ганина [Ганин, 2008]. В этих работах в общей системе управления ОКВ выделяется ВХП как орган власти. Исследователи определяют функции ВХП и его структуру, а также изменения, которые в ней происходили. Однако важно отметить, что и в этих работах функционирование системы управления ОКВ было реконструировано не путем изучения отдельных органов управления войска (войскового хозяйственного правления, войскового атамана и его канцелярии и т.д.), а посредством общей характеристики изменений, произошедших в управлении войском под влиянием тех или иных новаций правительства.

Источниковой основой настоящей работы послужили архивные материалы (послужные списки чиновников внутреннего управления войска, аттестационные листы) фонда Главного управления казачьих войск Российского государственного военно-исторического архива, а также отчетная документация и делопроизводственные материалы фонда Жандармского управления и Войскового хозяйственного правления Государственного архива Оренбургской области, фонда Войскового правления Семиреченского казачьего войска Центрального государственного архива Республики Казахстан.

В современной исторической методологии складывается целое направление по изучению особенностей региональной системы управления пореформенного периода Российской империи [Любичанковский, Тугай, 2017; Любичанковский, 2014; Lyubichankovskiy, Тропов, 2015]. При исследовании настоящей темы используется методология, разработанная историком Н.П. Ерошкиным. Согласно его концепции, изучение функционирования государственного учреждения следует осуществлять по трем направлениям: внутренняя организация (социально-экономические

причины создания, изменения и ликвидация государственного учреждения, объем полномочий, компетенции, структуру учреждения, штаты, бюджет и т.д.), направления деятельности (практическое применение функций), а также значение и место в аппарате государственного управления (взаимоотношение с равными, выше- и нижестоящими учреждениями) [Ерошкин, 1983, с. 8–9].

По закону за ВХП закреплялись все без исключения хозяйственные дела [Свод законов Российской империи..., 1912, с. 610, ст. 215]. При более подробном анализе законодательства начала XX в. функции ВХП можно разделить на три направления: экономическое развитие войска (в том числе управление Войсковым капиталом), социальное (медицина, образование, обустройство жизни казаков) и контролирующее направление. Официально законодатель никак не определил функцию контроля за чинами войскового управления, а контроль за чинами общественного управления разделил между атаманами отделов (непосредственный контроль), ВХП и наказным атаманом (высший надзор), не определив при этом для ВХП способы контроля.

Внутренний контроль за собственными чиновниками осуществлялся Общим присутствием ВХП, которое выносило постановление о тех или иных проступках служащих. В 1908 г. Кубанское и Терское казачьи войска возбудили дело об увеличении дисциплинарных прав для Старших членов Областных правлений. Этот вопрос был признан Военным советом важным для всех казачьих войск, и с 1910 г. Старшему члену ВХП Оренбургского казачьего войска и других войск расширяли служебно-дисциплинарные права до уровня вице-губернатора Губернского правления. С этого времени Старший член ВХП имел право делать Советникам и их помощникам, канцелярским служащим, начиная от делопроизводителей, в зависимости от тяжести вины, словесные напоминания, объявлять словесные выговоры или арестовывать их на срок до 7 дней [ЦГАРК, ф. 39, оп. 1, д. 334, л. 3–4]. Контроль осуществлялся в основном за группой «исполнителей». Приведем несколько примеров того, как ВХП использовало свои полномочия в контроле над своими служащими.

Первым примером является разбирательство по делу архивариуса ВХП коллежского асессора Я.И. Колачева. В журнальном постановлении Войскового хозяйственного правления ОКВ от 2 ноября 1899 г. читаем: «за небрежное выполнение им (Колачевым. — *Е.Г., А.М.*) своих обязанностей по надзору за вверенным ему имуществом и за невыполнение служебных требований Правления объявлен выговор с внесением в книгу взысканий и с объявлением в приказ по войску» [ГАОО, ф. 37, оп. 3, д. 331, л. 510об.]. Хотя несколько ранее, с 4 июля 1899 г., он был уволен со службы «с мундиром и пенсией» в 323 руб. в год [ГАОО, ф. 37, оп. 3, д. 331, л. 395] и согласно послужному списку «обстоятельств, лишающих на знак отличия беспорочной службы или отдаляющих срок к выслуге к сему знаку, не имелось» [ГАОО, ф. 37, оп. 3, д. 331, л. 510об.].

Во многом это соответствовало действительности. Родился Яков Иванович 18 октября 1842 г. Происходил он из казачьих детей [ГАОО, ф. 37, оп. 3, д. 331, л. 509], что

для данной группы чиновников было в порядке вещей (более 60%) [РГВИА, ф. 330, оп. 57, д. 1252, л. 1–54]. Придерживался православного вероисповедания, таковых в войске в тот период было 90%. На службу поступил в 1-й Оренбургский казачий полк (среди его сослуживцев таковых было более 80%). Однако качественно его отличало от других то, что он окончил курс в Оренбургской фельдшерской школе детей [ГАОО, ф. 37, оп. 3, д. 331, л. 509] и чиновником стал не по обычному «сценарию», как многие казачьи чиновники того времени. Так, грамотные молодые казаки, приходя на военную службу, становились полковыми писарями, что позволяло им по завершении срочной службы стать чиновниками ОКВ [РГВИА, ф. 330, оп. 57, д. 99, л. 10б.–40]. Яков Иванович пошел служить военным фельдшером в 1859 г. Находясь на службе, он с четырехсотенным казачьим отрядом был командирован в Нижний Новгород для оказания помощи больным. В 1866 г. командирован в башкирские деревни для прекращения эпидемии «возвратной горячки». В 1869 г. направлен в Санкт-Петербург в клинику 2-го сухопутного корпуса. За отлично-усердную службу несколько раз был поощрен денежными наградами. С канцелярской же работой Я.И. Колачев впервые столкнулся в 1869 г., когда был прикомандирован к канцелярии старшего войскового врача «для письменных занятий». В 1877 г. стал делопроизводителем Войскового хозяйственного правления ОКВ с переводом из гражданского в военное ведомство. С этих пор он начинает подниматься по карьерной лестнице, дослужившись до коллежского асессора. В 1891 г. был назначен на должность архивариуса [ГАОО, ф. 37, оп. 3, д. 331, л. 510]. Заработная плата его составляла 700 руб. в год [Свод штатов Военно-сухопутного ведомства, 1912, с. 203]. Был он также женат и имел деревянный дом в станице Оренбургской [ГАОО, ф. 37, оп. 3, д. 331, л. 510], что тоже было не редкостью среди его группы чиновников (до 80%) [РГВИА, ф. 330, оп. 57, д. 1252, л. 1–54].

За годы службы войсковое начальство не раз отправляло его в командировки по делам войска. По выбору «гг. офицеров и чиновников» состоял членом-делопроизводителем по заведованию офицерскими заемными капиталами, что говорило о доверии к нему со стороны сослуживцев.

В итоге выговор ему был объявлен уже после того, как на должность был назначен новый архивариус есаул Бобылев, который при приеме дел не обнаружил в архиве части материалов. Войсковое хозяйственное правление начало разбирательство, в котором требовало от коллежского асессора Колачева дать объяснение о том, где находятся недостающие документы. Но сделать это внятно чиновник так и не смог, что послужило поводом к объявлению выговора чиновнику, отправленному на пенсию. Бывший архивариус подавал прошение, чтобы выговор не вносился в аттестат. Однако ВХП было непреклонно, поскольку считало, что руководствуется законом, согласно которому выговоры, налагаемые не по суду, а в административном порядке, вносятся в аттестат, чтобы в случае новых упущений начальство, в ведомство которого поступает чиновник, могло бы быстро отреагировать [ГАОО, ф. 37, оп. 3, д. 331, л. 535–535об.]. Так Яков Иванович Колачев был отправлен в отставку с выговором.

Другим примером, однако уже не внутреннего административного, а судебного разбирательства, причем по политическому делу, может служить то, что произошло с чиновником особых поручений при ВХП ОКВ коллежским секретарем Д.Е. Хмыровым.

В 1905 г. атаман 2-го военного отдела представил наказному атаману ОКВ дознание, произведенное подъесаулом Кочуровым о чиновнике особых поручений Хмырове. В дознании говорилось, что 9 декабря 1905 г. чиновник Хмыров пришел к командиру 16-го Оренбургского казачьего полка войсковому старшине Бояльскому в нетрезвом виде и стал жаловаться на грубое к нему отношение урядника этого полка. Затем Хмыров унижительно отзывался о казаках, говоря, что «по улице опасно ходить, — это какие-то разбойники, что они, казаки, распущены и т.п. Что вся Россия и пресса настроена против них, и, несмотря на это, они все-таки идут против России. Что он, Хмыров, сам казак и находил это несчастьем» [ГАОО, ф. 21, оп. 2, д. 92, л. 29].

В этом же дознании опрашивался урядник Фомин, который говорил, что к ним подошел нетрезвый человек, назвавшийся чиновником особых поручений Хмыровым, и после нескольких вопросов сказал: «какие вы казаки, когда вас подкупили за 100 руб. и вы идете бить своих». Затем стал ругаться на казаков матом. В ответ на это урядник Фомин взял его за рукав и отвел в сторону, с просьбой «идти по добру, по здорову!» [ГАОО, ф. 21, оп. 2, д. 92, л. 60б.]. Остальные казаки, находившиеся при этом, подтвердили слова урядника.

Следует отметить, что в дознании представлена и версия самого коллежского секретаря Д.Е. Хмырова. По его словам, во время проезда через Верхнеуральск он случайно столкнулся с казаками, с которыми вступил в разговор. Сущность его сводилась к следующему: Хмыров высказывал им про распространенные слухи о казаках относительно их образа действий во время прекращения беспорядков. В вину им ставилось то, что те действовали без разбора, наказывая и виновных, и невиновных. Что касалось слов о подкупе и ругательствах в отношении казаков, Хмыров их полностью отрицал.

Тем не менее, наказной атаман ОКВ 21 декабря 1905 г. телеграммой на имя атамана 2-го отдела отстранил от должности коллежского советника Хмырова. Вызвана отставка была не тем, что именно говорил чиновник особых поручений, а тем, что во время описанных событий тот был нетрезв, так как за месяц до этого наказной атаман уже предупреждал Хмырова, что он может быть отстранен от службы в случае ведения последним нетрезвого образа жизни.

Это дело было рассмотрено на заседании общего присутствия ВХП. На нем бывший чиновник особых поручений при ВХП был обвинен в призыве казаков к нарушению обязанностей службы, что, по мнению войскового начальства, являлось государственным преступлением. Поэтому дело Хмырова передавалось в окружной суд [ГАОО, ф. 21, оп. 2, д. 92, л. 30]. Так как дело имело политическую окраску, то

расследованием его стало заниматься жандармское управление. Оно провело независимое расследование, по которому вновь были произведены допросы свидетелей случившегося. Допросы подтвердили все сказанное на дознании подъесаулом Кочуровым. Однако помощник начальника Оренбургского жандармского управления в Троицком и Верхнеуральском уездах ротмистр Кучин, который расследовал это дело, не усмотрел в словах Хмырова признаков государственного преступления. Он посчитал эти слова скорее оскорблением казачьего войска. После того как дело передали обратно в окружной суд, было вынесено постановление о прекращении следствия по делу бывшего чиновника особых поручений при ВХП Хмырова [ГАОО, ф. 21, оп. 2, д. 92, л. 47, 51]. Сам же Хмыров в ноябре 1906 г. уехал в г. Омск для поиска новой работы.

Третий пример напрямую к ВХП Оренбургского казачьего войска не относится. Однако нам он интересен тем, что является примером расследования над чиновником Войскового правления, но с положительным для него исходом. К тому же косвенно Оренбургское казачье войско это дело все-таки затрагивает, так как в нем в числе действующих лиц были оренбургские казаки.

Действие происходило в Семиреченском казачьем войске. Делопроизводитель Войскового правления коллежский асессор Советкин был обвинен в вымогательстве капы (мешка, примерно 65–66 кг. — *Е.Г., А.М.*) муки с казака Оренбургского казачьего войска Венедикта Шестакова, проживающего в Семиреченском войске.

В 1909 г. казак Шестаков подал прошение в Войсковое правление в г. Верный. Прошение касалось его сына Григория, который должен был быть выдворен в ОКВ этапным порядком для отбывания военной службы. Шестаков просил не отправлять сына служить в Оренбургское войско, т.к. незадолго до этого было подано прошение об усыновлении Григория казаком Семиреченского казачьего войска Иваном Исаевым. После того как прошение было подано есаулу Власову, который остался за Председателя Войскового правления, по словам Венедикта Шестакова, к ним подошел делопроизводитель Советкин. Он стал требовать за «хлопоты» по их делу капю муки. Исаев пообещал, что попробует найти. Через полгода к ним пришел посыльный Иван Трубачев от делопроизводителя Советкина и напомнил о капе муки. К тому же в Правлении ответили, что увольнительного приговора и прошения об усыновлении у них нет [ЦГАРК, ф. 39, оп. 1, д. 2, л. 84–85об.].

Войсковое правление начало проверку по данному заявлению. Сам делопроизводитель Войскового правления коллежский асессор Советкин себя виновным не признал и дал объяснения, что, хоть они с Шестаковым и Исаевым одностаничники, он никогда и никого к ним не посылал. Советкин пояснил, что ему действительно приходилось посылать казаков в станицу с письменными и устными заказами для покупки продуктов, однако за них он всегда платил деньги. Что касалось увольнительного приговора, о котором говорил Шестаков, то, по словам Советкина, он был отправлен в Штаб ОКВ. Проведя опросы остальных свидетелей, Войсковое правление признало, что слова Венедикта Шестакова подтверждал только Иван Исаев.

Однако, по их мнению, словам Исаева верить нельзя, т.к. он усыновил себе сына Шестакова — Григория — и они «свои люди». Остальные объяснения, к примеру, жен Шестакова и Григория, в расчет не брались. Опрошенные Иван Трубачев и его сын Гавриил не подтвердили, что Советкин поручал им передать требование о капе муки [ЦГАРК, ф. 39, оп. 1, д. 2, л. 86]. К тому же Общее присутствие отмечало, что слова о передаче муки были сказаны делопроизводителем Советкиным в передней Войскового правления, где постоянно находится дежурный, а также обычно бывает множество посетителей, на которых Шестаков как на свидетелей не указывал.

В результате этих доводов Общее присутствие Войскового правления признали обвинения Шестакова в вымогательстве голословными, поэтому жалоба его осталась без последствий, а делопроизводителю Советкину предоставлялось право привлечь Шестакова к ответственности за ложный донос [ЦГАРК, ф. 39, оп. 1, д. 2, л. 86об.].

Следует отметить, что, несмотря на тяжесть приговора, у чиновников, которые попали под административное взыскание, по закону оставались некоторые привилегии, предусмотренные для казачьих войск. Так, они сохраняли за собой право получить земельный надел — с той только разницей, что «штрафованные» генералы получали штаб-офицерский надел, штрафованные штаб-офицеры — обер-офицерский участок, а обер-офицеры получали половину положенного им надела; урядники, которые были повышены в офицерский чин, а затем оштрафованы, вовсе его лишались [Полное собрание законов..., 1876, с. 251–252]. Также для чиновников и офицеров, находящихся под судебным следствием, сохранялось содержание в половинном размере их жалования. Причем платилось оно из казначейства, даже если до этого они получали его из негосударственных доходов [Сборник правилъственных распоряжений..., 1899, с. 47–49]. Та сумма, которая выделялась на содержание чиновника, поступала в Общевоисковой капитал [ГАОО, ф. 37, оп. 4, д. 139, л. 47].

Таким образом, ВХП во внутреннем контроле использовало несколько направлений. За небольшие проступки выносилось административное взыскание в виде выговора, а рассмотрение дел о серьезных проступках могло передаваться в суд. При этом ВХП следило за моральным обликом своих чиновников и строго наказывало их за неэтичные поступки вплоть до увольнения со службы. Следует отметить, что под судебное расследование попадали лишь чиновники-исполнители (делопроизводители, чиновники особых поручений и т.д.). Однако в большинстве случаев Войсковое правление отстаивало своих чиновников, особенно если численность его была маленькой (в Семиреченском казачьем войске всего 9 чиновников). Обусловлено это было высокой корпоративной самоорганизацией чиновников, основанной на «административной гарантии». Причем такая тенденция была характерна в начале XX в. не только для «казачьих регионов», но и для всей Российской империи [Любичанковский, 2014].

Первым направлением внешнего контроля можно считать контроль за чинами войскового управления, к которым относились атаманы отделов, хотя по закону

атаман отдела состоял в непосредственном подчинении наказному атаману [Свод законов Российской империи..., 1912, с. 613, ст. 225]. Тем не менее в практику ВХП вошло рассмотрение дел, связанных с контролем за деятельностью атаманов отделов. Так, при должностных нарушениях атамана отдела проводилось полномасштабное внутреннее расследование, и если атаман отдела признавался виновным, то постановлением Общего присутствия ВХП дело передавалось в суд.

В Оренбургском казачьем войске произошло громкое дело по обвинению атамана отдела Б.А. Мореншильда. Борис Александрович — герой русско-турецкой войны 1877–1878 гг., командующий 7-м полком — имел огромное количество наград: орден Св. Анны 2 ст. с мечами, Св. Анны 3 ст. с мечами и бантом, Св. Станислава 2 ст. с мечами, Св. Владимира 3 ст., Св. Владимира 4 ст. с мечами и бантом, Персидский орден Льва и Солнца 3 ст., золотую шашку с надписью: «За храбрость», 7 медалей. С 1884 г. по 1888 г. Мореншильд находился на административной должности атамана 1-го, а с 10 февраля по 11 июня 1888 г. — атамана 2-го военного отдела Оренбургского казачьего войска. В июне 1888 г. он был обвинен в должностном преступлении и находился под следствием до октября 1889 г. [ГАОО, ф. 37, оп. 4, д. 139, л. 47]. Итогом вынесенного приговора стало отстранение от должности, лишение чинов, наград, всех прав состояния и ссылка в Олонецкую губернию [Отчет казачьего отдела..., 1911, с. 24].

Таким образом, атаманы отделов по закону напрямую подчинялись наказному атаману, а косвенно ВХП. Однако практика признания виновными атаманов отделов была крайне редка. Так, в Донском казачьем войске вина окружного атамана так и не была доказана, несмотря на ряд свидетельских показаний. Случай же в Оренбургском казачьем войске следует рассматривать как исключение, поскольку он был нетипичным для того времени.

Вторым направлением внешнего контроля ВХП стал контроль за должностными лицами общественного управления станиц и хуторов. К ним относились атаманы станиц и хуторов, их помощники, станичные судьи, станичные писари. Причем законодатель местный надзор закрепил за атаманом отдела, а высший надзор за ВХП [Свод законов Российской империи..., 1912, с. 666, ст. 697], вследствие чего атаман отдела являлся первой инстанцией, к кому могли обратиться жители и общественные служащие. При несогласии с решением атамана отдела оно могло быть обжаловано в течение двух недель после подачи прошения в ВХП [Свод законов Российской империи..., 1912, с. 613, ст. 227]. ВХП в свою очередь могло отменить решение атамана отдела. Это подтверждается и архивными материалами.

В поселке Желтом станицы Воздвиженской первого отдела ОКВ на поселковом сходе рассматривалось дело о казаке Иване Михайлове, который не имел средств для покупки обмундирования и строевой лошади для выхода на действительную службу, хотя несколько ранее его два родных брата Ефрем и Петр обязались дообмундировать своего брата Ивана, но своевременно об этом не

позаботились. Поэтому поселковым сходом было принято решение взыскать с братьев недостающую сумму на обмундирование. Также было учтено, что Ефрем проживал с женой у своего тестя, казака Севастьяна Пименова, в течение двух лет как работник, не получая при этом никаких денег. Рассмотрев данное обстоятельство, поселковый сход принял решение взыскать сумму 106 руб. (по 50 руб. в год за выполнение работ) с Пименова в долг за своего зятя Ефрема Михайлова. В случае неуплаты продать имущество Пименова на сумму долга [ГАОО, ф. 37, оп. 3, д. 265, л. 65].

Атаман первого отдела генерал-майор Мелянин согласился с доводами приговора поселкового схода и утвердил его. После этого Севастьян Пименов подал прошение в ВХП об отмене этого приговора, так как между ним и его зятем Ефремом был заключен договор, по которому последний живет у него три года и получает 25 руб. в первый год, во второй год 30 руб. и одну десятину хлеба, в третий год то же самое, что и во второй. Однако эти деньги ушли за долги Михайлова по общественным сборам. На это сохранились квитанции об оплате, которые также были отправлены в ВХП. Рассмотрев это дело, ВХП отменило постановление поселкового схода и атамана первого отдела, т.к. приговор признавался неправильным, а казаку Е. Михайлову, если он считал, что Пименов ему не доплатил, предлагалось подать на него иск и решить дело по суду [ГАОО, ф. 37, оп. 3, д. 265, л. 76].

Однако такие случаи были крайне редки. В большинстве случаев жалобы на решение атамана отдела со стороны ВХП оставались без удовлетворений [ГАОО, ф. 37, оп. 3, д. 265, л. 54–61об.]. В таких случаях казаки иногда подавали прошение лично на имя наказного атамана или в Правительствующий Сенат.

К тому же ВХП часто действовало напрямую и осуществляло контроль за чинами общественного управления согласно закону, по которому Оренбургскому, Уральскому и Астраханскому войску было предписано обязательно передавать постановления по преступлениям должностных лиц губернским и областным прокурорам. Однако последние, в свою очередь, не имели права принимать к рассмотрению дела по должностным преступлениям по службе прежде рассмотрения их внутри ВХП [РГВИА, ф. 330, оп. 36, д. 1228, л. 14–15].

В этом отношении ВХП ОКВ вело активную работу. Так, в 1910 г. за преступления и проступки по службе ВХП были переданы суду 39 человек [Отчет казачьего отдела..., 1911, с. 62].

Если рассматривать виды преступлений, совершенных общественными служащими, то безоговорочно на первом месте были преступления, связанные с присвоением общественного имущества, что составляло около 33% всех преступлений. В первую очередь это было присвоение общественных денег, причем суммы варьировались от самых незначительных, в размере 2 руб., до достаточно крупных — более 1500 руб. Во вторую очередь присваивались продукты: пшеница, овес, сено, собираемые на общественные нужды. Встречались случаи присвоения

строительного материала. К тому же небольшой процент преступлений составила растрата общественных денег не по назначению (3%).

На втором месте по преступлениям были взятки (около 11%), причем самые разные: от бутылки водки за решение небольшого дела до 1000 руб. за содействие торговцам в занятии базарной площади. Близким к этому преступлению по смыслу было вымогательство с жителей станиц и хуторов небольших сумм и «магарычей» за выполнение услуг, которые и так входили в должностные обязанности общественных служащих. Число таких преступлений составило около 6%.

Достаточно часто встречались преступления, связанные с принесением ущерба войску, станице или лично жителям в результате неправильной деятельности общественных служащих (около 9%). К примеру, передача в пользование карьера, принадлежащего другому обществу (убыток более 1000 руб.), или несвоевременное составление кондиций о переправе, что составило убыток более 7000 руб.

Другим не менее частым преступлением являлось неподобающее поведение атаманов и их помощников. Так, 9% преступлений было связано с оскорблением других лиц, нанесением им побоев и драками с участием должностных лиц.

ВХП тщательно следило и за исполнением обязанностей должностными лицами. Поэтому 8% приговоров было вынесено общественным служащим, обвинявшимся в неисполнении своих обязанностей. Примерами неисполнения обязанностей стали: несвоевременно приведенный атаманом станицы в исполнение указ ВХП о наложении на помощника атамана и писаря дисциплинарных взысканий, не приведены в исполнение различные судебные постановления, не составлен протокол о преследовании за незаконную торговлю водкой. Не принятые к недопущению захвата общественных земель или к остановке драки между казаками меры также влекли за собой взыскания со стороны ВХП. Ответственны атаманы станиц и хуторов были и перед жандармским управлением. В случае недонесения о грубых высказываниях казаков об императоре и его семье или государственной власти сами атаманы могли быть обвинены в государственном преступлении [ГАОО, ф. 21, оп. 1, д. 219, л. 3].

Для сокрытия своих преступлений должностные лица подделывали документы. В этих целях задним числом оформлялись общественные приговоры, составлялись подложные накладные и др. 12% преступлений были связаны именно с этими нарушениями.

Следует отметить, что из всех рассмотренных ВХП дел по преступлениям общественных служащих в суд передавалось более 90%. В остальных 10% случаев после тщательной проверки выносились оправдательные приговоры.

Дела, которые нельзя было отнести к преступлениям, например, содержание склада с оружием или хлебозапасного магазина в пыли и паутине, нахождение церковной оградки в плохом состоянии, плохое содержание церковного сада или

православного кладбища, квалифицировались как недочеты. Выявлялись они в результате ревизий станиц чинами ВХП, после чего составлялись предписания, которые атаману станицы необходимо было обязательно устранить [ЦГАРК, ф. 39, оп. 1, д. 1830, л. 7]. Если же он их не устранял, то это квалифицировалось уже как невыполнение должностных обязанностей, что означало преступление по должности, и начиналось соответствующее разбирательство.

Таким образом, самым распространенным преступлением общественных служащих являлось присвоение общественного имущества. Столь же частыми являлись взятки, подделка документов, нанесение материального ущерба своими действиями, оскорбление и драки, неисполнение своих обязанностей. Более редкими были вымогательства, растрата общественных денег, использование своего служебного положения, превышение своих полномочий.

Итак, на рубеже XIX–XX вв. одной из основных функций деятельности Войскового хозяйственного правления Оренбургского казачьего войска был контроль за чинами войскового и общественного управления. При этом, осуществляя внутреннюю функцию, ВХП в большинстве случаев отстаивало интересы своих чиновников, особенно если их численность была маленькой. Это было обусловлено высокой корпоративной самоорганизацией государственных служащих, основанной на «административной гарантии». Причем такая тенденция в начале XX в. была характерна не только для «казачьих регионов», но и для всей Российской империи. Внешний контроль со стороны ВХП осуществлялся в отношении атаманов отделов и органов общественного управления станиц и хуторов. При этом первые оказывались под судом крайне редко, вторые же подвергались самому жесткому контролю, и в подавляющем большинстве случаев дела по обвинению общественных служащих передавались в суд.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Абрамовский А.П., Кобзов В.С. Оренбургское казачье войско в трёх веках. Челябинск: Челябинский государственный университет, 1999. 450 с.

Ганин А.В. Накануне катастрофы. Оренбургское казачье войско в конце XIX–XX вв. (1891–1917 гг.). М.: ЗАО Центрполиграф, 2008. 686 с.

Ганин А.В. Оренбургское казачье войско в конце XIX–XX вв. (1891–1917 гг.): автореф. дис. ... к.и.н. М., 2006. 27 с.

Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 21. Оп. 1. Д. 219.

ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 92.

ГАОО. Ф. 37. Оп. 3. Д. 265.

ГАОО. Ф. 37. Оп. 3. Д. 331.

ГАОО. Ф. 37. Оп. 4. Д. 139.

Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1983. 368 с.

Историческая записка об Оренбургском казачьем войске, составленная советником Войскового хозяйственного правления полковником П.И. Авдеевым. Оренбург: Изд-во Оренбургского казачьего войска, 1904. 182 с.

Кобзов В.С. Становление и развитие структуры управления и воинской повинности оренбургского казачества (XVIII–начало XX в.): автореф. ... д.и.н. Челябинск, 1996. 34 с.

Любичанковский С.В., Тугай Т.И. Оренбургский край в условиях пореформенной модернизации // *Электронный научно-образовательный журнал История*. 2017. № S13. С. 7. URL: <https://history.jes.su/s207987840001823-4-1> (дата обращения – 15 мая 2021 г.).

Любичанковский С.В. Практика расследования должностных преступлений в поздней имперской России: регионально-сравнительная ретроспектива (Урал, Кавказ, Туркестан, Польша) // *Уральский исторический вестник*. 2014. № 4 (45). С. 93–101.

Машин М.Д. Из истории родного края: Оренбургское казачье войско. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1976. 192 с.

Отчет казачьего отдела Главного штаба за 1910 г. СПб.: б.и., 1911. 144 с.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XLVIII. СПб., 1873. 648 с.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 330. Оп. 36. Д. 1228.

РГВИА. Ф. 330. Оп. 57. Д. 99.

РГВИА. Ф. 330. Оп. 57. Д. 1252.

Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам: т. 34. за 1898 г. СПб.: изд. Главного управления иррегулярных войск, 1899. 639 с.

Свод штатов Военно-сухопутного ведомства. Казачьи войска с их Управлениями. К. 3. СПб.: Военная типография, 1893. 420 с.

Свод законов Российской империи. Кн. 1. Т. 2. «Свод губернских учреждений». Издание неофициальное / Под редакцией И.Д. Мордухай-Болтовского. СПб.: Русское Книжное Товарищество «Деятель», 1912. 440 с.

Стариков Ф.М. Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о домашнем быте оренбургских казаков; со знаменами и карты. Оренбург: Типография Б. Бреслина, 1891. 249 с.

Футорянский Л.И. Из истории казачьего самоуправления и «автономии» // 1743. *Историко-литературный альманах*. 2000. С. 83–93.

Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГАРК). Ф. 39. Оп. 1. Д. 2.

ЦГАРК. Ф. 39. Оп. 1. Д. 334.

ЦГАРК. Ф. 39. Оп. 1. Д. 1830.

Шадрин В.М. Правовое положение и функции станичного звена управления Оренбургского казачьего войска // *Оренбургское казачье войско: Поиски. Находки. Открытия. Сб. науч. труд.* / Под ред. А.П. Абрамовского, Челябинск: Челябинский государственный университет, 1999. С. 132–154.

Шадрин В.М. Станичные суды в системе управления Оренбургского казачьего войска // *Оренбургское казачье войско. Страницы истории XIX–XX вв. Сб. науч. труд.* / Под ред. А.П. Абрамовского. Челябинск, Челябинский государственный университет, 1999. С.159–172.

Lyubichankovskiy S.V., Tropov I.A. Russia's regional governance at the change of epochs: administrative reform draft in the late 19th–early 20th centuries // *Былые годы. Российский исторический журнал.* 2015. № 36(2). С. 309–318.

REFERENCES

Abramovskii A.P., Kobzov V.S. *Orenburgskoe kazach'e voisko v trekh vekakh* [Orenburg Cossack army in three centuries]. Chelyabinsk: Chelyabinskii gosudarstvennyi universitet, 1999. 450 p.

Ganin A.V. *Nakanune katastrofy. Orenburgskoe kazach'e voisko v kontse XIX–XX vv. (1891–1917 gg.)* [On the eve of the disaster. Orenburg Cossack army at the end of the late 19th–20th centuries. (1891–1917)]. M.: ZAO Tsentrpoligraf, 2008. 686 p.

Ganin A.V. *Orenburgskoe kazach'e voisko v kontse XIX–XX vv. (1891–1917 gg.)* [Orenburg Cossack army at the end of the 19th–20th centuries. (1891–1917)]: avtoref. ... k.i.n. M., 2006. 27 p.

State Archives of the Orenburg Region (GAOO). F. 21. Inv. 1. D. 219.

GAOO. F. 21. Inv. 2. D. 92.

GAOO. F. 37. Inv. 3. D. 265.

GAOO. F. 37. Inv. 3. D. 331.

GAOO. F. 37. Inv. 4. D. 139.

Eroshkin N.P. *Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdenii dorevolutsionnoi Rossii* [The history of state institutions in pre-revolutionary Russia]. 3-e izd., pererab. i dop. M.: Vysshaya shkola, 1983. 368 p.

Istoricheskaya zapiska ob Orenburgskom kazach'em voiske, sostavlenaya sovetnikom Voiskovogo khozyaistvennogo pravleniya polkovnikom P.I. Avdeevym [Historical note about the Orenburg Cossack army, compiled by Colonel P.I. Avdeev]. Orenburg: Izd-vo Orenburgskogo kazach'ego voiska, 1904. 182 p.

Kobzov V.S. *Stanovlenie i razvitie struktury upravleniya i voinskoj povinnosti orenburgskogo kazachestva (XVIII–nachalo XX v.)* [Formation and development of the structure of management and conscription of the Orenburg Cossacks (18th–early 20th century)]: avtoref. ... d.i.n. Chelyabinsk, 1996. 34 p.

Lyubichankovskii S.V., Tugai T.I. Orenburgskii krai v usloviyakh poreformennoi modernizatsii [Orenburg Territory in the Conditions of Post-Reform Modernization], in *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal Istoriya*. 2017. No. S13. P. 7. Available at: <https://history.jes.su/s207987840001823-4-1> (accessed 15 May 2021).

Lyubichankovskii S.V. Praktika rassledovaniya dolzhnostnykh prestuplenii v pozdneimperijskoi Rossii: regional'no-sravnitel'naya retrospektiva (Ural, Kavkaz, Turkestan, Pol'sha) [The practice of investigating crimes in late imperial Russia: a regional comparative retrospective (Ural, Caucasus, Turkestan, Poland)], in *Ural'skii istoricheskii vestnik*. 2014. No. 4(45). Pp. 93–101.

Mashin M.D. *Iz istorii rodnogo kraja: Orenburgskoe kazach'e voisko* [From the history of the native land: the Orenburg Cossack army]. Chelyabinsk: Yuzh.-Ural. kn. izd-vo, 1976. 192 p.

Otchet kazach'ego otdela Glavnogo shtaba za 1910 g. [Report of the Cossack Department of the General Staff for 1910]. St. Petersburg: b.i., 1911. 144 p.

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie vtoroe [A complete miracle of the Russian Empire. Second collection]. Vol. XLVIII. St. Petersburg, 1873. 648 p.

Russian State Military Historical Archive (RGVIA). F. 330. Inv. 36. D. 1228.

RGVIA. F. 330. Inv. 57. D. 99.

RGVIA. F. 330. Inv. 57. D. 1252.

Sbornik pravitel'stvennykh rasporyazhenii po kazach'im voiskam: t. 34. za 1898 g. [Collection of government orders for the Cossack troops: vol. 34. for 1898]. St. Petersburg: izd. Glavnogo upravleniya irregulyarnykh voisk, 1899. 639 p.

Svod shtatov Voennno-sukhoputnogo vedomstva. Kazach'i voiska s ikh Upravleniyami. K. 3. [Army Code of States. Cossack troops with their Directorates. Book 3]. St. Petersburg: Voennaya tipografiya, 1893. 420 p.

Svod zakonov Rossiiskoi imperii. Kn. 1. T. 2. "Svod gubernskikh uchrezhdenii". Izdanie neofitsial'noe [rch of the modern Russian Empire. Book 1. Vol. 2. "Code of provincial institutions". Unofficial edition]. Pod red. I.D. Mordukhai-Boltovskogo. St. Petersburg: Russkoe Knizhnoe Tovarishchestvo "Deyatel'", 1912. 440 p.

Starikov F.M. *Istoriko-statisticheskii ocherk Orenburgskogo kazach'ego voiska s prilozheniem stat'i o domashnem byte orenburgskikh kazakov; so znamenami i karty* [Historical and statistical sketch of the Orenburg Cossack supplement on the home life of the Orenburg Cossacks; with banners and cards]. Orenburg: Tipografiya B. Breslina, 1891. 249 p.

Futoryanskii L.I. *Iz istorii kazach'ego samoupravleniya i "avtonomii"* [From the history of Cossack self-government and "autonomy"], in 1743. *Istoriko-literaturnyi al'manakh*. 2000. Pp. 83–93.

Central State Archives of the Republic of Kazakhstan (TsGARK). F. 39. Inv. 1. D. 2.

TsGARK. F. 39. Inv. 1. D. 334.

TsGARK. F. 39. Inv. 1. D. 1830.

Shadrin V.M. Pravovoe polozhenie i funktsii stanichnogo zvena upravleniya Orenburgskogo kazach'ego voiska [Legal status and functions of the stanitsa link of management of the Orenburg Cossack Host], in *Orenburgskoe kazach'e voisko: Poiski. Nakhodki. Otkrytiya. Sb. nauch. trud.* [Orenburg Cossack Host: Search. Finds. Discoveries. Collection of scientific work]. Pod red. A.P. Abramovskogo, Chelyabinsk: Chelyabinskii gosudarstvennyi universitet, 1999. Pp. 132–154.

Shadrin V.M. Stanichnye sudy v sisteme upravleniya Orenburgskogo kazach'ego voiska [Stanitsa courts in the control system of the Orenburg Cossack troops], in *Orenburgskoe kazach'e voisko. Stranitsy istorii XIX–XX vv. Sb. nauch. trud.* [Orenburg Cossack Host. Pages of the history of the 19th–20th centuries. Collection of scientific work]. Pod red. A.P. Abramovskogo. Chelyabinsk: Chelyabinskii gosudarstvennyi universitet, 1999. Pp. 159–172.

Lyubichankovskiy S.V., Tropov I.A. Russia's regional governance at the change of epochs: administrative reform draft in the late 19th–early 20th centuries, in *Bylye gody. Rossiiskii istoricheskii zhurnal*. 2015. No. 36(2). Pp. 309–318.

Статья принята к публикации 30.05.2021